

Сам себе Кристофер Бёртон.

Основано на реальных событиях.

Хочу быть режиссером.

Вы не поверите, но рождаются временами у умных людей сумасшедшие идеи. Перед Вами попытка создать мегазакрученный, полный ожидаемых неожиданностей рассказ-фильм. Считайте пока, что он без какой-либо смысловой нагрузки и разгрузки, сюжета и прочих особенностей, присущих, по мнению модельного человека с портала киноманов, очередного шедевра...

Долго смотря на бревно можно увидеть в нем будущую жену.
Не женитесь на бревнах в реальности.
Живите в фантазиях, там все можно.

Там чудеса, Вы президент
Любой страны, Вы бьетесь как Ван-Дам,
Красивая модель Вам тихо шепчет: «дам»
Тебе герои не нужны, твой мир, ты сам...

Включите воображение, расслабьтесь.

– Чувствуешь? Это твой мир, твой внутренний мир. И не вздумай сказать, что не чувствуешь! Ты что, невзрачная серая масса не способная творчески мыслить?

Представь себя художником. Заменяй иронию и лишённые смысла фразы на то, что варится в твоём котелке идей. Компенсируй недостаток мелких деталей своими фантазиями.

Ты готов!

Часть 1. Погружение:

1 уровень: (Кино):

Начало, положим, как у классического фильма ужасов. Едут 4 студента за город. Вокруг темные, мрачноватые пейзажи, предостережения повсюду - плач Ярославны, цунами, метеориты, еще пара мелочей.

Но герои - герои в третьем колене, им море по колено. Приезжают в ветхий полуразвалившийся домик, начинают смотреть фильм-детектив, - пиво то смыло цунамей, а чем еще заняться? Кино, значит...

Один из студентов внезапно обнаруживает себя в этом кино в главной роли сыщика, остальным смотреть в неработающий телевизор скучно. Вот они и идут купаться на речку...

Да, после цунами, не боясь присущих наводнениям акул, метеоритам - чужих, речкам - маньяков.

2 уровень: (Кино в кино):

Детектив задумчиво смотрит на затертую магнитную доску, на которой развешаны фотографии улик, расчерчены, в форме ациклического графа связи между ними. Следы расследования отмечены на потрепанной от времени карте пригорода провинциального городка.

Тут же играет напрягающая, трогающая самые глубокие глубины зрителя музыка - Ленинград " мы на острове Бали все с тобой проебали. Не меняли рубли, все с тобой проебли". Крупный план камеры задерживается на фотографии 3х трупов молодых людей у речки (куда пошли купаться первоуровневые студенты).

Вдруг полицейский с фразой: "блин, ну я хз", наполненный безысходности взглядом, вспоминает, что сегодня пятница, а значит сокращенный рабочий день закончился уже как 43.5 минуты назад. И он в который уже раз опоздал на встречу фанатов 3 части Тани Гроттер.

От неимения мало-мальски интересных занятий, он садится в подобающую успешному детективу пригорода провинциального городка девятку. Пьет девятку, ибо ни ехать, ни толкать "старушку" не придется, – провинциальный городок настолько провинциален, что и девяти домов не наберется на центральной улице, украшенной памятником, затертого временем бронзового вождя, напоминающего окружающим о былом времени, которое прошло.

Дома, поприветствовав любящую жену, возможно даже свою, наш детектив решает заняться лучшим пятничным времяпрепровождением, – лечь спать.

Ремарк1:

Стоит также разъяснить, почему вам показалось, что я не представил нашего героя второго уровня, - все очень просто, вы даже не заметили: знакомьтесь, Детектив Иваныч Грозный.

То ли напряженная атмосфера в мире, то ли известная на всю округу красота его жены так повлияла на здоровое восприятие мира Грозным Детективом, но видит наш Детектив Иванович такую картину:

3 уровень: (Сон в кино в кино):

Закадровый голос Бондарчука вещает монотонно и убаюкивающе малопонимающему зрителю, который любит космическими заставками на экране. (Тут особой красоты не надо, для экономии средств сойдет Земля, вращающаяся вокруг Бондарчука.)

... вещает:

Нет, не про одно кольцо, которое поработило мир, не про Леонида, сдерживающего огненные врата, а про Адольфа, обычного кртчриса, коих в огромном количестве вы можете наблюдать на небольшой окрестности галактики с романтическим названием z8_GND_5296.

Адольфу сегодня исполняется 21. У кртчрисов принято мерять не время жизни в каких либо единицах, а расстояния, которые кртчрис провел на борту собственного космического лайнера. Так вот у Адольфа сегодня знаменательная дата, ему 21 световой год.

А это может означать только одно. Адольфу предстоит серьезное испытание - Катарскичс. Как и каждый, достигший совершеннолетия (от слова летать), кртчрис, он обязан

исследовать, а если понадобится и захватить любую еще не отмеченную на карте вселенной старцов-кртчрисов планету.

Бондарчука долго не выдержать, поэтому коротко пробежимся по Внешнему виду Адольфа под звуки Рамштайна «das model»:

Адольф низенький, резкий, со смешно выбритыми усами кртчрис. Увидев такого где-нибудь на z8_GND_5296 в окружении пары других кртчрисов, вы даже не сможете заметить разницу, разве что усы выделяются.

Обстановка космического лайнера Аврора, с таким скромненьким пробегом в 1.9867534×10^{14} км удручает. Вокруг разбросаны словари, музыкальные пластинки группы «Neighstright», так популярной на z8_GND_5296, по бокам висят картины, написанные самим Адольфом.

Нескоро дело делается... или как там в сказках говорят? Но Адольф, захватив своего друга Фредерика, решает Отправляться в путь. Он раскручивает на полу бутылку Вульфа, которая, остановившись, а точнее даже – не крутившись, – ибо гравитация вокруг; указывает на невзрачную Планету в невзрачном Млечном пути – Землю.

Фредерик, это кртчрисский котик, отличающийся от Земных лишь тем, что мог по просьбе хозяина принимать любой облик. Вот сейчас он находится в образе Адрианы Лимы и мирно посапывает на ногах у Адольфа.

Аврора, напичканная электроникой по самые гланды, и неизвестно, с какой стороны; умеющая читать мысли окружающих подключилась к каналам связи нашей планеты. И то ли сбой какой произошел, то ли уровень чувства юмора у нее выставлен на 147 процентов, но она сообщает Адольфу лучшее место припланетивания к цели.

Адольф решает идти в поход на Россию...

А так как наш герой творчески одаренный и имеет богатую на извращения фантазию. Он решает описать свой Катарскичс в виде книги. Долго выбирает манеру повествования и псевдоним, но в конце все складывается в единое целое.

Книга называется:

Кристофер Бёртон. «История одного шедевра. Автобиография».

4 уровень: (В мастерской автора):

Автобиография «гения одного сюжета» начинается с короткого и охватывающего основную авторскую мысль эпиграфа:

Даже если вам кажется это до невозможности невозможным, возможно, все равно, есть возможность совершить невозможное.

Роман Гуд. Капитан пиратского корабля Легобрик. (1581г)

Не стоит досконально пересказывать книгу или приводить точные цитаты; - Вы спокойно найдете, если уж нападет нехилая страсть узнать подробности, ее в любой сколь бы то ни было малой графотеке вселенной. И на Земле, я уверен, найдется. Тут довольно хитрая загадка в том, с Земли ли началось ее распространение, или все же *forlag plats*.

Деревенский

Криса обычно принято считать сербом по происхождению. Он утверждает, что в день, когда появился на этот свет, произошло 2 важных события: с неба падали звезды, и, ибо ждалась девочка, его назвали Крис.

Родился он в семье, которая с древних времен передавала детям традиции, рецепты и опыт, а главное, тазики. – Все самое необходимое для варки чистейшего бетона. Лучшего бетона в мире. Возможно с этим фактом как-то связано, что семейство гордо носило фамилию Бетон.

Время до ухода из родительского гнезда автор книги описывает как самое ужасное за период своего брэнного существования. Вечные пьянки отцов под луной, духовые оркестры - пляски под дудение труб, что нормальный человек не назвал бы и пародией на музыку, а окружающие даже возвышали как искусство.

Не удивительно, что юный Крис рос замкнутым в себе, мечтающим об чем-то великом пареньком. Да и не о великом, а о таких вещах, каких не существует в сознании ни одного человека, знаваемого автором. Он укреплялся во мнении, что его ценности невероятно взаимообратны с ценностями остальных людей. Кристофер ждал чуда, какого-то события, которое дало бы импульс его идеям, пока еще хаотично смешанным в сознании.

Такое событие произошло. В деревню пришло большое кино. На диафильмовой пленке, теплоту и запах которой Крис помнит и спустя десятилетия, собравшимся (а собрались абсолютно все) показывали красочный мультик. Слово «красочно» тут, скорее, как авторская, не совсем соответствующая реальности оценка, ибо сепийные оттенки таких пленочных слайд-шоу тех времен сложно заставить себя считать хотя бы немного цветными.
13 оттенков рыжего, подошло бы тут намного больше.

За обсуждением чудес техники никто, наверное, и не заметил, как Крис исчез.

Поиски пути

Тайными путями и порно-кастингами, возможно торговлей одурманивающими травами, уборкой студий и экспресс разносом эспрессов наш герой поселяется в стране своей мечты,

где кино не является чем-то недоступным; знакомится с выдающимися актерами и продюсерами. Немало гениев несвоевременности повидал он за короткое время.

И вот перед нами уже не деревенский, с грубыми манерами и заправленной рубашкой юноша, а неопрятно одетый, с экстравагантной прической, необыкновенно обыкновенной водолазкой. Таких людей через полтора десятка лет определяют в специальный класс, окрещенный названием «хипстеры».

Среди соседей по замку он создал просто какую-то нездоровую атмосферу. И, ладно, звали его теперь Кристофер, да и бетон обрел некую твердость в виде буквы Р. Но считалось в народе, что Кристофер гений. Сказалось тут, что люди вообще считают гениальным то, чего они не понимают. Burtovshina kakaya-to!

Живя почти впроголодь, Крис покупает камеру. И пытается отразить свои идеи в коротких мультипликационных видео. Цикл таких скетч-историй он назвал «5 минут концентрированного смысла». Но что-то пошло не так, и смысла там было слишком мало по версии половины смотрящих и слишком много – по ... других.

Но как же так, вы подумаете? – Неверные пропорции смысла не могут лишить гениального автора достойного ответа публики.

– Действительно, были еще небольшие подводные айсберги, о которых вне понимания капитана тонули корабли Бертоновских желаний. Для Бертон в фильме была наиболее важна лишь

самая развязка. Он терпеть не мог «смазанные концовки». И поэтому, так как месяцами не мог придумать резкое и запоминающееся завершение своих историй, он снимал свои фильмы вообще без концовок, обрывая их если не на самом интересном месте, то перед ним.

Горе-сценарист наслаждался жизнью в крупном и преполном технологий городе полной грудью. Так в одном агентстве помощи скучающим мечтателям, называющемся «I seek Yelen» (сокращенно - ISKY или, как многие называли, ICQ) ... (Это модное агентство делило письма новобранцев по гендерному признаку в 2 урны, как ныне делают со стеклом и пластиком, и каждое письмо отправляло по случайно попавшемуся адресу из второй урны.) ... в нем Кристофер Бертон знакомится с Еленой БоГеМнОй Катарскичс.

Ну а потом, разумеется, у них свадьба. Почему разумеется, Вы бы и сами поняли, увидев ее. Экстравагантность внешнего вида даже Бертон просто ничтожна перед гулливерско-огромной оной у Елены. Кристофер не мог поверить своему счастью. Лена всю жизнь мечтала сниматься в кино, и была безотказна исполнять любую роль, могла забесплатно играть хоть одно, хоть другое, не тонущее в воде. Такая удобная жена – довольно-таки неплохое подспорье семейному бюджету кино-фэмили.

Все те же гении несвоевременности создали из воплощения богемности почти нестыдную жену. Да и сам Бертон не промах. Не мог же он всегда (когда не при людях) называть свою жену ведьмой. Поэтому он добавил свою любимую букву алфавита к имени возлюбленной. И не «Релен» получилось, и не такое сладкое уху «Еленар», а обычное «Хелен».

Живя вместе с неоцененным обществом гением, а также, снимаясь в его этих самых гениТальностях, Хелен выяснила для себя одну и только одну истину (истиной называла это только она). На самом деле это была предубежденность в том, что популярность не приходит к будущей семье Катарскичс-Бертонов из-за пиратов, которые нелегально раньше положенного времени, и даже раньше, чем закончатся съемки, распространяли все их недошедшие до релиза фильмы. Как вы поняли, Кристофер не удосужился объяснить ей, что это законченные творения, просто они лишены смазанных концовок.

Как бы то ни было никакие недомолвки не могли помешать предначертанному следами падающих при рождении автора звезд потусторонними силами.

Кристофер Бертон и Хелен Богемная Катарскичс теперь собрачны.

Никто не пришел на их свадьбу, к слову. Данная мелочь молодоженов с психологическим возрастом за 150, и даже не в сумме, не расстроила. Как и положено в обществе, после свадьбы они едут справлять медовый месяц.

Медовый месяц семья, которую со стороны коротко можно охарактеризовать лишь нелюбовью к пиратам и смазанным концовкам, проводят в Катаре...

Стра#тер

Будильник прокричал что-то невнятное и замолчал. Однако я понимал, что через пять минут он снова попытается донести мне эту же столь значимую информацию, тон-в-тон повторяя только что сказанное. Никогда не любил приносить другим незаслуженное счастье, в данном случае под другими подразумевается эта долбаная железка, потревожившая мои и так редкие сновидения. Но не этот факт повлиял на мгновенное протрезвление моего сознания в то утро.

Отставив подальше вчерашнюю бутылку "Кентукки Джентльмен" с прикроватного элемента интерьера, я взял карандаш и блокнот, настолько хипстерского вида, что мог бы сойти за купленную в отделе носков в гипермаркете тетрадь в 18 листов в крупную клетку с Пушкиным на обложке. Только без Пушкина. Обложка была девственно пуста, чтобы не отвлекать от умных утренних мыслей. Ровно десять минут были потрачены на то, чтобы поделиться с этим "Пушкиным блокнотом" всем тем рудиментом, что оставался в моей голове с вечера. Я называл это "my morning story". - С недавнего времени, когда я после окончательного окончания универа наиокончательно понял, что мир не такой, как его описывают в женских журналах и сказках, я

вел довольно необычный в глазах окружающих образ жизни. Настолько рациональный и прагматичный, что нет смысла тратить кучу времени, чтобы его описать, тем паче объяснить.

Писать в прошедшем времени о себе немного напрягает, поэтому я, пожалуй, на пару абзацев сменю манеру повествования, если вы не против.

На сегодня у меня были запланированы 2 важных дела. (И около 100 неважных, как обычно, были записаны в to-do листе. Но традиционно идиотически они, скорее всего, к вечеру перемаркируются лейблом "завтра".) Сначала я должен буду послать главреда журнала "The Tailer". Не подумайте на меня плохо, я не посылаю всех подряд, - как бы мне не хотелось этого. Я сдерживаю свои эмоции внутри себя, и такой чести, какую я выплесну сегодня на Евгения Тайлерсоновича, удосуживаются только единицы. Честь не внезапная штука. Наш главред рождает недобрые мысли в моей голове с того момента, когда я только устроился колумнистом, ведущим раздел музыкальных и технических новинок и совместительно с этим пару аккаунтов в паре популярных социальных сетей, в узконаправленный на аудиторию со средним айкью, совпадающим с точностью до цифры со своей записью в восьмеричной системе счисления

журналище. И наконец-то настал момент, когда я решил окончательно уволиться из редакции зетайлера. Этот факт меня полностью оправдывает, ну а если вы считаете иначе, просто идите к черту! О.., 99 дел в моем to-do осталось. День начинается довольно продуктивно.

Ну а второе дело не менее приятное. Давеча я познакомился с Катариянином, Катарцем, не знаю, как правильно... жителем Священной республики Катар на коучсерфинговом портале. И поеду заливать слезы бурбоном в далекую от родной земли глушь. Поездка выйдет в круглую сумму в 5 деревянных тугриков, - лоукостовые билеты и матрешка в качестве оплаты проживания и десятка литров местного алкоголя.

Каждому уважающему себя человеку знакомо то сладкое чувство, когда можно киношным движением с полуразмаха правой смести с рабочего стола кипу бумаг-отчетов, показать прощальный знак средним пальцем обеих рук бывшим товарищам по офису. Почему чувство сладкое? Если вы задаетесь этим вопросом, то вы пробочно тупы, и советую как можно скорее оформить подписку на «ze-tailer». А я пока буду упиваться своим превосходством над планктоном, оставленном в моей жизни далеко позади, и вами ... заодно.

Тайлерсонович воспринимал дефекацию моих складов мнений о нем и детище всей его жизни с таким выражением лица, что эти склады наполнялись с большей скоростью, чем я успевал их освобождать. Понимая, что продолжение сего действия приведет лишь к тому, что главред заснет, я поставил жирную точку в моем присутствии в этом кабинете, отхлебнув из графиноподобного сосуда, стоящего в собственном минибаре Евгения Тайлерсоновича "Деламан ле Вояж", которым начальник так гордился перед гостями.

И вот теперь, попрощавшись, как планировалось, и с оставшимся обществом недописателей зетайлера, я сидел в пафосном кафе в полуквартале от места своей уже бывшей работы. Заказал, кажется, какое-то неведомое, однако стандартное для местного меню ежевичное маккиато и бутыль рома. Именно так, я всегда мечтал проводить утро. Оставив вдоволь чаевых симпатичной и поднимающей хотя бы настроение официантке, я отправился навстречу будущему. Рейс в Доху отправлялся через 4 часа, а мне хотелось еще тогда сделать последний глоток родного воздуха и десяток оных скотча на прощание.

Смартфон показывал десятибалльные заторы на дорогах, а это означало только одно. Распивать предполетный напиток я начал вместе с таксистом за десять километров до взлетной полосы. Стоит, конечно, рассказать, что побудило Асхата эмигрировать в наши края из родного подгорного села, почему он поссорился с Эльвирой-прекрасной, почему его Рено лучше, чем Порше Артура, какие правила околodорожного движения он придумал за то время, пока меня вез. Но это все достойно отдельной повести, которую с интересом прочитали бы одинокие домохозяйки, которых мир не наградил ни мужем, ни умом к сорока годам. Я же, в свою очередь, поведал обществу таксиста и бутылки довольно-таки полную саксес-стори своей до краев наполненной ничем жизни.

Коротко все это можно обобщить так:

Учась в крупнейшем университете страны на факультете почвоведения, я постоянно жалел, что не поступил на более техническое направление. От горя я начал даже писать короткие истории из жизни физиков. Именно они своим юмором привлекли Дениса Сваянского, работавшего в то время в одной крупной газете. Юмора, кстати, в этих историях было не больше, чем в предсмертной записке заядлого пессимиста, но я не стал раскрывать этот секрет Дениске. И, сколь ни тривиально начало

моего журналистского пути теперь выглядит в ваших глазах, далее он посоветовал мне пойти писакой в успешный и перспективный журнал, и даже помог мне туда устроиться. Как вы уже догадались, это был «The Tailer». Для меня писать курсовые за гроши было менее интересно, чем работать за те же гроши в перспективном журнале, а значит, выбор был очевиден. Пришлось бросить учебу, начать жить на полную, от блокнота до блокнота, от вебстраницы до вебстраницы, от порносайта до порносайта. Долгое-предолгое время я писал для зетайлера, как мне всегда казалось, наиинтереснейшие статьи, пока не понял, что:

- мне не платят
- если платят, то половину зарплаты выдают алкоголем
- начальству алкоголь достается получше
- мои статьи никто не читает, потому что до них обычно не доходят. — Я печатался на 13-ом развороте, а за среднестатистическое время нахождения в среднестатистической уборной среднестатистический человек долистывает только до десятого разворота.
- Мне пора повидать мир. Хотя бы зайти дальше, чем в магазин за брусничной «Карелией».

Вот я и решил поехать путешествовать, набраться писательского опыта и интересных идей для будущих творений. Но так как денег не было, а в ломбард алкоголь принимать не любят, я долгое время проводил в поисках ответа на вопрос, что мне делать. Я жил как в шоу Трумена, пока все тот же добрейшей души Дениска не посоветовал мне поискать возможностей для отпуска на коучсерфинговом портале коуч.редтюб(дот)ком. Ведь никто же не заходит в дом через чулан? Поэтому я начал изучение портала с главной страницы. Так прошли три недели иль даже месяц, кто уж теперь скажет точно. В итоге я вот еду к своему новенькому другу. Зовут его Арараз, или Азаз, или Арарат... Надо хотя бы в дороге уточнить, а то неудобно выйдет как-то.

Столь грустная история моей жизни так растрогала Асхата, что он не взял с меня ни цента, только обещание упомянуть его историю хоть в двух словах в моей будущей мегаизвестной (спустя три часа мы были в этом уверены) статье или книге, в зависимости от того, что я решу творить по приезде из Катаров.

Как я дополз до самолета, я не помню, но точно вдобился в память тот факт, что мои ответы на стандартные вопросы: откуда я и мой пол: «с Земли» и «я что из Тайланда, по мне не видно?» таможенников не сильно порадовали.

.....

Стою я в Дохе. Так жарко, что хочется сдохнуть. Моря не видно, и, видно, Азазат не самый пунктуальный Катарианец, ибо его тут не больше, чем моря. И еще... жарко очень, аж сдохнуть хочется.

С матрешкою в руке, панаме за десяток местных риалов, точь-в-точь Рауль Дьюк во внезапном приходе исламской обстановки в Неваду, я сижу под нечастым гостем типичной флоры – пальмоподобным деревом. Ствол этой высоченной штуки напоминает кувшин. Меня это не только не смущает, но и доставляет некоторое удовольствие. Не эстетическое. Любоваться в Эмпайр-Парке, за исключением миллиардов миллионов единиц твердой зеленой валюты, нашедшей здесь обличие в виде невиданно богатых кортов, бассейнов, газонов, абсолютно не на что. Зато кувшинная форма тени от этого растения, коли можно так выразить принадлежность этой громадины, мне пришлось по душе. Я сидел тут уже несколько часов к ряду. Азазат не пришел, а экскурсионные потуги провалились. Меня лишили алкоголя катарские секьюрити при входе в Царство Алладина. Точную причину я не понял, но,

запомните на будущее, взятки матрешками в мелких размерах тут, к сожалению, не берут.

Концентрация людей, пальм и теней в поле моего зрения оценивается «на глаз» как одинаковая, обстановка как угнетающе умиротворяющая. Однако соседний кувшин уже давно приковывает мой взгляд ссорой двух туристов у своего подножия.

Ссоры - настолько обычное явление в нашем мире, что люди даже привыкли не замечать их. А иначе и быть не могло. С той самой секунды, когда изобрели женщину, жоака в стае и акцизы на крепкий алкоголь; для упрощения суждения будем считать эти далекие от нас на временной оси события за точку; вся жизнь превратилась в череду кривых, принадлежащих интервалам, соответствующим черным полосам судьбы с женщинами, человеком, стоящим выше тебя по рангу, и его величеством Градусом. Ходят былины, по мотивам которых даже снимают трагикомедии, что существуют такие несчастные, которых жизнь саркастически наградила монстром в виде непьющего начальника, непонятным образом записавшим свое ФИО в гос.документе героя.

И, коли вы еще не оформили подписку на Тайлерсоновича, вы не усомнитесь в том, что все беды базируются на этих трех столбах

(Мнение женской или пидарско-непьющей аудитории, давайте, тут не будем учитывать, как заинтересованную сторону взгляда на вопрос). И все нескончаемые сражения с Сервантесовскими ветряными мельницами, не приносят обществу свободу от разногласий. Зреть надо в корень. Не хватает обществу какого-то прямого, грубого животного начала.

А вот мне не хватает в этот момент моей творческой музыки, из сорокаградусных тут только раскаленный воздух. В надеждах и мечтах сижу я и наблюдаю за этой, как я вас уже убедил, обычной ссорой двух взрослых человек, среди которых есть хотя бы одна женщина. А среди этих двух есть женщина. И настолько специфический вид имеет она, что данная ситуация может послужить модельным, хоть и ненатурально преувеличенным, примером, подтверждающим главный пункт моих идей о первоначале разногласий в обществе. Если я упомяну, во что была одета наш источник ссор, вы все поймете. Корона гномьего царя, ломбард на шее Джо Гальяно, коралловое свадебное платье, один носок и простыня. Коралловое платье не цвета розового пига, скорее цвета «аккабар». Назвал коралловым я его лишь потому, что это платье настолько тиной поросло, что выглядит удачным дайвинг-снаряжением для погружения в болото. Да и собеседник дамы, не знаю, устроит ли вас такое сравнение, не

уступит Леди Гаге в умении преподнести себя. Хоть он сидит в стафутах от кувшина, накрывшего меня, спиной, в тени, одетый в темный балахон, запомнится надолго. Я коротко назвал бы образ так: «Счастливый обладатель подкрашенной акрилом или маслом энштейновской прически, приправленной шокером вместо расчески». Дальнейшие мои описания силуэтного образа туриста будут казаться нарочито гротескными, поэтому я не буду уделять подробностям больше ни капли драгоценного времени.

Спасаясь от скуки, я восстанавливаю и приукрашаю диалог героев подпальмовой сцены:

– Дорогая, мы люди искусства, мы выше всех этих бранных склок. Нам, как художникам, приходится постоянно балансировать между двумя пропастями – легкомыслием и пропагандой. Мы идем по гребню хребта восстающим между ними, и не стоит менять так резко направление и силу гравитационных мощностей. Риск потерять свободу искусства и так неразумно велик.

– Мудак!

– Поверь, ведь лучше быть в бедности свободным, чем невольником над золотом. Желая жить свободно и богато, мы станем бедными рабами.

– О, Боже! Что за чушь!

– Цитируя Бертрана, нам в каждое начало стоит впрыснуть дозу анархизмов — примерно ровно столько, чтобы застоя избежать, распаду не дать шанс.

– Не слушай всяческих Бертранов, найди мне водки, я хочу забыть все тяготы невзгод, попавших к нам из мировых устоев.

– Конечно, дорогая!

Увлечись данною игрой, я потерял контроль над ситуацией. Поняв внезапно, что странный человек с альбертовской прической направился ко мне, я первые секунды начинаю творить ответы к просьбе: «Дай водки, господин!». Не сразу я реальность распознал, и потому, наверное, когда дон Гага подошел, я выпалил:

– Ебучие цыгане!

– Простите, - (по-английски), мое приветствие осталось в небытие, а жаль, — Хочу вам предложить участие на съемках моей драмы. Я режиссер, и сценарист.

– Вот это да, Катар — открытый кастинг Голливуда. Всегда мечтал блистать на сцене. Вот только это не Гай Риччи, а бестолковый клоун цирка Элуаз. — вертелось в мыслях.

– Мы создадим шедевр, вы идеал для роли умного студента.
– какой прекрасный комплимент.

– Тебе чего, мужик, заняться нечем? – пытался я сказать. Но собеседник мне и пискнуть не давал, он начал объяснять свои идеи фильма, размахивая клешнями так, что мне хотелось угадать сценарий с пары нот.

Темнеть уж начало, а я все слушал его речи. Сценарий был не плох, но слишком сложен для меня. Понять его под силу «только лишь не всем». Да и конец, мне показалось, не дописан. Спросил условия, ведь я же не болван, мне надо было где-то жить, и что-то надо было пить.

– Без гонорара, максимум - проценты. Нетленку пишут за идею. Я поселю вас в номер наш с женой моей, – как так, маньяк, ты что ли? – у нас уютно и богато, и месяц «alco-free inclusive», – другое сразу дело.

Расчетливость попросила сменить крупье. Разум был не против. Раздали карты. Разум – пас. Расчетливость – поддержка. Еще техасские три карты. Ол-ин, ол-ин, в открытую играют. Мой разум сидит на сете тузов, расчетливость в надежде ждет на пиках. Еще две карты, и, о горе!, похоже, флеш рояль. Ну хоть жилье нашел, и алкоголь...

Три дня спустя мы с Кристофо'ром, как оказалось; работаем не покладая рюмку и перо. Его идея гениальна, а я пишу детали. Флипчарт расчерчен связями, иначе очень трудно помнить все те скрытые следы, которые остались от ранее пришедших и безвременно ушедших мыслей. Как обычно и бывает в ~~клубе~~ ~~самоубийц~~ обществе анонимных писателей, под балантинес мы поведали трагичные спирали наших судеб друг-другу. Кристо'фер был отличным парнем, харизматичным и тупым, не любящим расчески. Его жена мне тоже по душе, вот только временами, когда она решает выйти в свет, повсюду слышатся мольбы богам прохожих о пощаде.

Мы стали настолько близки, что в дань дружбе «изувековечили» ее несколькими главами в сценарии. Конечно, многое оказалось там придуманным, но мы же и не хотели писать исторический, детский или документальный спектакль. Кристофо'р иронически, я на это надеюсь, отразил в части, посвященной мне, мои увлечения и мечты, и изменил мне имя на более подходящее – Стратег Генрихович (Вот объясните мне, для чего оно более подходящее???). А я иронически, пусть он теперь на это надеется, – его будущий приход к славе, не показав успех конкретно, ибо не верил совершенно, что затея выльется во что-то стоящее.

Немало «Брукладди» ушло, чтобы я смирился перед убеждениями Криса насчет того, что мы должны не дописывать историю до конца. Я сопротивлялся до последнего, но с какого-то двузначного по счету номера олд-фейшна Бертон начал цитировать философов конца 17 века. А вот 17 век я как раз не очень люблю, и спасение своей души вынудило меня пойти на попятную.

Как-то ближе к концу нашей работы, вдруг внезапно, помню, взбунтовалась жена Кристофера. Она придумывала какие-то нелепые обвинения в его адрес. Что-то про медовый месяц, что Крис и спит теперь со мной, а не с ней. Ах, эти тупые женщины, ничего они не понимают. Скандала получилось избежать огромными невосполнимыми потерями. Мы разрешили ей дописать пару страниц в сценарий в обмен на обещание не лезть ~~назойливо~~ как сервисы Mail.Ru без адблока в древнем файрфоксе к нам в душу. Что она дописала, я даже не читал, только видел, что были фразы там про ром (такое даже взгляд «мельком» замечает) и строки про пиратов.

Бюджет на киноленту был настолько ограничен, что, если неглектифицировать расходы на крепкие «идеи», получится полнейший ноль. Проблему я решил мгновенно. Выпуском

начально сценария-книги; а уже позже, как только будут деньги, мы наймем актеров, снимем фильм.

Нашу историю мы назвали «Семнадцать Стаканов Кленового Бушмилза», сокращенно «ССКБ», однако в издательстве отчаянно браковали это название. Было решено сменить тайтл, сохраняя аббревиатуру. Первое, что пришло мне в голову, было - «Сам себе Кристофер Бертон». ...Так корабль и поплывет...

Часть 2. Миксолидийские лады:

Глава 1:

Москва

Февраль, 15, 2010

Черт знает, сколько до рассвета

– Scheisse!

Моцарт сидел за синтезатором, скромно перебирая пальцами по клавишам и не очень скромно передавая свое восхищение. Фоном тихо с пюпитра бронзового века iPad играл Хачатуряна.

Ас-Султан аль-Азам ва-л-Хакан аль-Мукаррам Захир ад-дин Мухаммад Джалал ад-дин Бабур, Падшах-и-Гази на подоконнике писал стихи.

Гостиная фактически была разделена на две части: шелка, атласы, бронза, розы напротив пик, секир, ковров. На плазме без звука мелькал индийский боевик, периодически срывая овации военачальника.

На кухне жарил краба Герц.

/*

Захир ад-дин Мухаммад !Бабур

!Моцарт Вольфганг Амадей

Гё́нрих Рудольф !Герц

*/

http://artmordent.ru/my_book/